

# АГЕНТ «00»

## О ПОЛИТИЧЕСКОМ СПЕКТАКЛЕ НА ЛЮБИТЕЛЬСКОЙ СЦЕНЕ

Что такое студийность сегодня применительно к театрам любительским, к тем из них, которые успели творчески зарекомендовать себя? Что угодно, только не камерность, не замыкание на задачах этических. Скорей это форма участия в жизни, причем страстного, гражданского активного. Это глубокая озабоченность всем, что происходит в стране и за ее пределами, жажда вмешательства в процессы, существенные для общества. Чуждость ко времени, способность ощутить его боль, послушать своими спектаклями, если воспользоваться названием известного романа Г. Маркова, «Грядущему веку».

Естественно, что тема борьбы за мир, предотвращения ядерной угрозы, неиссякающей над человечеством, занимая внимание этих коллективов. Похоже, что они даже более последовательны в ее реинициации, чем театры профессиональные. По крайней мере нынешний сезон они встретили рядом спектаклей, которые развивают одно из коренных положений Программы КПСС, принятой на XXVII съезде партии, — «Мир без войн и без оружия — идеал социализма».

Стоит добавить, что боевой, остроосовременный дух этих спектаклей вызвал к жизни заметную сценическую раскрепощенность, свежесть образного языка, с помощью которого режиссерам и исполнителям ролей удается особенно звонко сказать свое слово, стать убедительными в утверждении идей, их возмущающих. «Полудетская-полурослая игра» — так обозначил жанр своего

спектакля «Однажды утром перед закатом» театр-студия на улице Чехова (пьеса написана руководителем студии М. Щепенко, постановка Т. Басониной). Точнее было бы сказать, что перед нами — нечто вроде политической клоунады, балаганного представления, в котором широко обозреваются закономерности сегодняшнего нашего, вернее, не нашего мира. Того мира, где властвует доллар, где всем завладевают волчий закон собственности. Где нещадно попирается личность и с часу на час слабее нравственная узда. Где бряцают оружием распоясавшиеся агрессоры и во все большей опасности полного уничтожения оказывается «маленькая» планета Земля.

Естественно, что это потребовало обобщенности сценической. Действия происходит, как говорится в пьесе, нигде и везде, сейчас и всегда, словом, «однажды утром перед закатом». В этом нет абсурда, лишь обозначен ракурс, под которым рассмотрены факты жизни.

Культурной «полудетской-полурослой игре» становится сцена совсем не детская и от игры далекая. Это — образ мира неспящего; падает с задней стены театра на сцену на-

тарчатая черная карта, где обозначены белым столицы и страны, покрытая собой распавшиеся, в судорогах атомной смерти извивающиеся тела. Здесь концентрируется самая суть этого спектакля-предупреждения.

А в театре-студии геологоразведочного института идет «Почное нападение» современного испанского драматурга А. Састре, которого театры профессиональные пока не ставят. Пьеса, построенная как полицейская расследование дела об убийстве профессора Марчело Граффи, расширило истолкование театром (постановка С. Кургина). Традиционная для Испании тема вендетты, вражды двух родов, тянущейся добрую сотню лет, рассмотрена там в свете грядущей ситуации в мире, распространена на судьбу народов, против их воли втягиваемых в состояние конфронтации, чреватой войной. В сущности не хотят убивать друг друга, побуждаемые к тому ложно понятым долгом, люди из родов Граффи и Боско, не хотят воевать между собой народы, ибо всякое истребление себе подобных противно человеческой природе, ибо нет народа-агрессора, а есть лишь агрессивные настроения круги в ряде стран, круги, кото-

рым нагнетение военного психо-за выгодно.

Этот замысел кристаллизуется в спектакле, предельно удаленном от быта, пренебрегающем житейскими подробностями, которыми изобилует пьеса. Строгая черно-белая гамма, хор трагичности, вознесенный над ширмой в глубине сцены и оттуда анимированный неостеротическому ходу событий. На самой игровой площадке царят прямоугольники белого пенепласта, с помощью которых воссоздается театрально все, что нужно по ходу дела: и ослепотевший родовой улицы, и надгробия на кладбище, и экран телевизора, на который под голоса комментаторов проецируются чьи-то странно удлиненные, печальные, будто подавленные всем происходящим в мире лица, и маятник, на который профессор Граффи диктует свою последнюю волю. Прибавим к этому намеренно тягучий, леденящий душу темп происходящего, диалог, насыщенный паузами осмысления, приглушенные голоса актеров, лишь изредка пресекаемые яростным всплеском гнева и ненависти, режущими из чьей-то груди, — и мы получим представление об этом спектакле, сыгранном при всей условности решения с неуловимыми соображениями правды мучств.

А воля профессора Граффи состоит в том, чтобы его пятнадцатилетний сын ничего не узнал о затравленной вендетте, чтобы идея разрыва потерпела крах и дети той и другой семьи могли спокойно спать в своих постелях.

Расширительный смысл придан и поставленной М. Розовским и руководимым им театре-студии у Никитских ворот миниатюра Клода Фортюно. Сюжет — водить автомобиль заочно. Действие пьесы одномоментно, в спектакле же оно растянуто на год, в течение которого робкий служащий какой-то компании превращается в героя, дает волю умно пробужденному в нем инстинкту уничтожения. Показан процесс обработки души человеческой в направлении, противном идеям гуманизма и добра, процесс обывания личности, которую потом так удобно будет превратить в пушечное мясо. Успех — «эпогонимический» в букавальном смысле слова: ученик превосходит учителя в упоении изображаемой скоростью, в обретении им чувства беззащитности, возмущенности («Мой начальник отдела — дьявол! Мой директор — дьявол!»). Сюжет мало, действие много строительно, перед на-

ми — целый пантомимический каскад.

А театральность спектакля театра-студии на Юго-Западе «Агент 00» заключается, если не убоиться парадокса, в подчеркнутой натеатральности. За шутливой оболочкой пьесы Г. Борновика, за рассыпанным в ней примитивным эстрадным шоу режиссер В. Белякович сумел выцепить все самое социальное и нравственное содержание. Спектакль предельно безаффектен, в нем нет «номеров», рассчитанных на аплодисменты зала, театр отказался от массовых сцен, устремил все внимание на характеры. Сумрачная, «бункерная» атмосфера действия, вращающиеся металлические шты по углам сцены, напоминающие вход в бомбоубежище, «незагражденные» костюмы персонажей, радиоголоса, сообщающие последние новости. И оказалось, что пьеса такую «оглушающую» выдерживает.

Спектакль строится на резком противопоставлении людей, которые во всем человечестве (коммюнажер, он же агент «00», и тот, кого называют «законным» меленьким, доселе неизвестного племени, чья страсть как хочется прибить к рукам заколосенным колоскам), — меленьким в штатском, которые ревностно служат делу порабощения малых народов...

Политический театр в любительском (что отнюдь не означает «примитивном») варианте на наших глазах набирает силу.

В. ВЛАДИМИРОВА

Школы права, 1986, 21 марта.